

Как превратить зрителя в читателя

Реальная критика Зары Абдуллаевой

Издательство «Три квадрата» осмелилось выпустить книгу «Реальное кино» Зары Абдуллаевой. Осмелилось, потому что сегодня востребована лишь псевдокритика. Книжки про звезд, личную жизнь кумиров, в крайнем случае, поверхностный скоростной пробег по современному кино.

Зара Абдуллаева превращает зрителя в читателя и вместе с ним еще раз медленно, чуть ли не покадрово пролистывает самые знаменитые фильмы последнего десятилетия. Процесс всматривания оказывается увлекательным: дарит открытия, раздвигает горизонты современного кино, заставляет новыми глазами увидеть хорошо знакомые картины, разбивает в пух и прах общие места критических суждений.

Это книга про кино, не только чуждое, но враждебное масскульту. С помощью книги возникает возможность дорасти до трудного кино Триера, Хайнеке, Зайдля. Ибо автор ведет с экраном нетривиальный диалог на равных. Продлевая традицию классической критики конца XIX — начала XX века, Зара Абдуллаева исследует не только ткань самого про-

изведения, но и природу возникновения его в контексте современного творчества, его культурную генетику. Каждый из текстов книги есть «предсказание назад» с обязательным пунктиром в будущее.

Здесь вы не отыщете спасительных оценок: плохо — хорошо, хотя автор обращается к самым спорным картинам последнего времени: скандальным, провальным, но главное — талантливым. Автор доказывает неслучайность появления «Танцующей в темноте», «Пианистки», «Собачьей жары», «Догвилля», представших «гениями места и времени» в потоке современного кинопроцесса.

Эта книга — галерея портретов современного кино в своих самых качественных образцах. И, как настоящий портретист, Зара Абдуллаева склонна к некоторому субъективизму. Но краски ее пристрастий растворены в сложных, доказательных логических конструкциях, омытых волнами ассоциаций, погруженных в глубоководный контекст времени, его культурные параллели и меридианы.

● Лариса МАЛЮКОВА

Кадр из фильма «Облако-рай»

Персонажи в поисках

Зара АБДУЛЛАЕВА
в проекте

«Искусство кино»

дождя

Мы так хотели перемен.
Хотя бы — погоды

поделать, ни тем, ни последующим временем не ограничены. И ничего общего эти порывы не имеют с тошнотворной сентенцией (одного в фильме «интеллигента и хама») про каждого человека, который «должен найти свое место, свою цель». Хотя именно в 91-м, в год появления фильма, вопрос о том, ехать или оставаться, был таким же насущным, как сводка погоды на воскресный день.

Хотя Андрей Жигалов уехал-таки в Германию, распрощавшись с возможностью дорасти до ролей Юрия Никулина, клоуна и гениально-го драматического артиста.

Хотя не менее сводки погоды насущным и по сей день остается, в частности, пропавшее умение писать диалоги, в которых за элементарностью обиходной речи просвечивал бы смысловой простор и для актеров, и для публики. «Ты в магазин? — Нет. — И я не в магазин. — Ты что, зонтик купил? — Нет. — Ну да, если б купил, мы бы давно знали».

Неужели пошлейшая идея о том, что чем хуже погода или климат вообще, тем для драматурга (режиссера) лучше, справедлива, как любой стереотип, с которым только смелый не считается?

Иначе как объяснить, что ни Николай Досталь, ни Георгий Николаев после «Облака-рая», ни в одном из последующих опусов не приблизились к своей тогдашней серьезности, а также экскентриале, сквозь которые прорастало томление времени, стоящего на месте?

Эта материя, проявляющаяся до сих пор на пленке этого фильма, быстро-быстро в нашем кино захирела. Неужели потому, что не только «во времени дело, а в пространстве»? И в людях. Судить не берусь.

Запомнилось, что хороший был фильм «Облако-рай». Угловатый и нежный. С почти муратовской толстухой-мегерой, в которой пряталось что-то живое и — пропадало. С заспанными пейзажами, охмуренными собственной безличностью и стоячим воздухом, где не шевелились ни занавески на окнах, ни дворовые бабки — вечные стражницы. С грузчиками-близняшками, голосящими хором. С каким-то хмырем, сноровисто умыкающим в карман брюк открытую банку шпрот. С вялой Ириной Розановой, с налету себя подобравшей и обнаглевшей — до обиды, до жалости. Таких удач потом у актрисы будет немного. Ну и, конечно, с безвестным артистом в роли Коли, protagonista. Открытого, но обособленного.

Пересматривать давние привязанности небезопасно. С течением времени вышибается способность выдержать навязанную или случайную встречу. С кино ли, с людьми — все равно.

При том, что в сивле остается расхожее, не охваченное ностальгией настроение: старые неклассические фильмы иной раз лучше новых, самых обласканных.

Это настроение в отношениях с нашим кино приобретает то зловещий, то гротесковый оттенок. Но так происходит далеко не со всеми знаменитыми картинами. Может, многие из них просто в злешнем климате стареют. Или обугливаются в горячих денечках, не пробуждая больше зрительских чувств.

Фильм «Облако-рай» таких обидных возрастных напастей избежал. Не зря, возможно, время его действия — воскресенье.

Очумевших от безделья и нелюбви жителей городка усыпляет теплое весеннее солнце, но будоражит еще холодная речка. А пойти в воскресенье больше некуда — только купаться. В этот день им придется очнуться, привязавшись хоть к какой-нибудь уловке для действия. Какие тут страсти, надрывы дремали! Но легкий взгляд Николая Достали их загоняет на дно, за край кадра, и таким образом обстреляет, минуя безудерж, столь любезный нам по привычке.

«Облако-рай» зацепил неочевидное содержание не только наступившего исторического момента (календарь 91-го года раскачивался на двери, которую терзали возбудительные отъездом Коли персонажи), но и гря-

дущего десятилетия. Запустил в движение качели между скукой и праздником, между гедонизмом будущих 90-х и внезапной апатией, между застоем и нервными выходками под видом притворного выхода. Оттуда — отсюда — подальше.

90-е обещали желанные перемены, но затаили угрозу их отката. Достопримечательное кино Достали зафиксировало это набухание противоположностей, чреватое неизвестностью.

В этом скромном фильме, не умаляющем сложность пестрых типов, жестких социальных масок, портрета захолустья, уловлена матрица всего переломного времени. Именно поэтому «Облако-рай» пережил свое время. А Досталь выбрал на роль простака и мечтателя, измочаленного воскресной маетой, а также безответным вопросом, «где, тем более, когда» пройдет дождь, который оживит этот день, разнообразит эту жизнь, — профессионального клоуна Андрея Жигалова, автора-исполнителя песенок про «звездочку на небе вечном, на небе темном» и про «облако-рай».

Именно клоун с его умением провоцировать и дер-

жать, пригорюнившись, поджав хвост, разведя руками, удар и насмешки, становился невольным героем дня, артистом-звездой, нехотя переигравшим своих рассудительных или ушлых партнеров и — застывших, как каменные бабы, наблюдателей. Все они, только помани, только наври, что отправляешься на Дальний Восток, готовы вздрогнуть и сорваться в хованщину.

...И пришлось помрачневшему клоуну уехать... Не разочаровать подтянувшихся сограждан. Не замять попойку. Не подвести их виды на мебель и комнату.

Между не приметным утром (которое в резкой светотени настагает камера Юрия Невского) и последним автобусом, который увезет Колю туда-не знаю-куда, — цирковые антре. Они ускоряют неугомонную событийность этой минималистской и живописной картины. Ее странность, обыденность, точность.

Поначалу кажется, что старухи оцепенели у подъездов в нулевом времени навсегда. Поначалу друг Кольки Федя (Сергей Баталов) его так успокаивает и дразнит: «Мне все равно, что будет, что не будет. Что так, а что эдак. По

Абдуллаева
Зара Лариса